

Чжан Мэн

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В работе дан сравнительный анализ отражения образа мужчины во фразеологии китайского и русского языков. Для образа мужчины в китайской культуре характерно доминирование отрицательных черт. Основной негативной чертой китайского мужчины является похотливость. Для образа мужчины в русской культуре характерно доминирование ФЕ, описывающих качества его личности (смелость, сила, ум и т.д.), а также братские отношения между мужчинами. Главной же негативной чертой русского мужчины является пьянство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 182-188. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

23. **Plane D. A., Henrie C. J., Perry M. J.** Migration Up and Down the Urban Hierarchy and Across the Life Course // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2005. Vol. 102. № 43. P. 15313-15318.
24. **Preston J.** Mexican Migration to the USA May Be Reversing, Report Says [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2015/11/20/us/more-mexican-immigrants-leaving-us-than-entering-report-finds.html> (дата обращения: 23.04.2017).
25. **Raymer J., Beer J., Erf R.** Putting the Pieces of the Puzzle Together: Age and Sex-Specific Estimates of Migration amongst Countries in the EU/EFTA, 2002-2007 // *European Journal of Population*. 2011. Vol. 27. № 2. P. 185-215.
26. **Rogers A., Willekens F., Little J., Raymer J.** Describing Migration Spatial Structure // *Papers in Regional Science*. 2002. Vol. 81. № 1. P. 29-48.
27. **Wilson T.** Model Migration Schedules Incorporating Student Migration Peaks // *Demographic Research*. 2010. Vol. 23. № 8. P. 191-222.

**PROBLEMS OF MIGRANTS' LANGUAGE SOCIALIZATION
(BY THE EXAMPLE OF TATARSTAN AND CALIFORNIA)**

Slavina Liliya Rustamovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Derdizova Farida Valievna
Kazan (Volga region) Federal University
Lilisl@rambler.ru

Ganieva Gul'nara Ramil'evna, Ph. D. in Pedagogy
Nizhnekamsk Chemical Technological Institute (Branch) of Kazan (Volga region) Federal University
Lilisl@rambler.ru

Koroleva Nadezhda Vladimirovna
*Municipal Autonomous Educational Institution "Secondary School № 35 with Deep Study of Particular Subjects",
Naberezhnye Chelny, the Republic of Tatarstan, Russian Federation*
Lilisl@rambler.ru

The aim of the article is a comparative analysis of institutional and political governance, accounting and planning in the migration sphere of countries, the role of language education in migrants' socialization in the context of the migration policy of the Republic of Tatarstan (RF region) and the state of California (the United States region). The study is based on the results of the population census of various periods in the Russian Federation and the United States. The studies also included the analysis of legal documents on the strategic planning of the national policy and migration of the Russian Federation and the United States.

Key words and phrases: migration; language socialization; educational migration; migration policy; education.

УДК 81-11

В работе дан сравнительный анализ отражения образа мужчины во фразеологии китайского и русского языков. Для образа мужчины в китайской культуре характерно доминирование отрицательных черт. Основной негативной чертой китайского мужчины является похотливость. Для образа мужчины в русской культуре характерно доминирование ФЕ, описывающих качества его личности (смелость, сила, ум и т.д.), а также братские отношения между мужчинами. Главной же негативной чертой русского мужчины является пьянство.

Ключевые слова и фразы: гендер; мужчина; образ мужчины; фразеология; китайский язык; русский язык.

Чжан Мэн

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
zhangmengabc@gmail.com

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ
В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Социальные изменения, происходящие в современном обществе, оказали большое влияние на возникновение нового направления в лингвистике – гендерологии, в центре которой находится человеческий пол. Пол описывает биологические различия между людьми, как правило, служащие для обозначения анатомо-физиологических характеристик людей. Однако помимо биологических отличий существует разделение социальных ролей, различия в поведенческих, культурных и психологических характеристиках, что именуется гендером. Гендер наряду с возрастом человека, его классовой принадлежностью и другими характеристиками личности определяет ее место в социальной структуре общества, т.е. характеризует социальный статус личности, который и определяет ее социальные возможности в этом социуме [5]. По мнению Е. А. Косых, в сущности, гендер отражает процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на данном историческом этапе [4].

В российской и китайской лингвистике изучение гендерных особенностей, проявляющихся в языке, началось позже, чем в западной, а именно только в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Но в последнее время наблюдается повышенный интерес к гендерным исследованиям, так как пол является одной из важнейших и ключевых характеристик личности.

Исследование проявления женской специфики всегда занимало доминирующее место в гендерной лингвистике, концепт «мужчина» не получил самостоятельной разработки в рамках отдельного широкого лингвистического исследования: обычно его анализируют, решая второстепенные задачи, в дополнении к анализу концепта «женщина». Лишь в 90-е годы возникло новое направление, исследующее мужественность. По словам А. В. Кирилиной, «язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину)» [3, с. 40].

Следует отметить, что в китайской лингвистике специальных работ, посвященных сравнительному анализу мужчин и мужественности в русском и китайском языках, не было, поэтому в центре внимания настоящего исследования находится образ мужчины в китайской фразеологии в сравнении с образом мужчины в русской фразеологии.

Выбор фразеологизмов китайского и русского языка как объекта исследования не случаен, так как фразеологические единицы имеют особое значение в выражении образа мира посредством языка. Во фразеологизмах, характеризующих образ мужчины, присутствует специфика национального быта и миропонимания. Сравнивая образ мужчины в китайской и русской культуре, мы сможем увидеть социальные различия, формирующие представления о мужчинах, а значит, и продемонстрировать «незаданность» черт маскулинности как биологически обусловленных.

ФЕ о мужчине в китайском языке

В работе представлен материал китайского языка в количестве 135 единиц, содержащих лексические и семантические показатели мужского пола. Все единицы были получены в результате сплошного отбора из «Большого толкового словаря китайских чэньюев Синьхуа» (2013) [6]. Чэньюй – это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщено переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения [1, с. 18].

В составе исследуемых китайских чэньюев, описывающих образ мужчины, выделяются следующие группы:

- 1) единицы, содержащие лексические показатели мужского рода;
- 2) единицы, описывающие внешность мужчины;
- 3) единицы, характеризующие качества мужчины;
- 4) единицы, являющиеся наименованиями лиц мужского пола;
- 5) единицы, которые лексически отсылают к женскому референту, но само это выражение применимо к лицу мужского пола.

Исследование гендерной референции ФЕ, содержащих лексические показатели мужского рода, позволяет распределить их на 3 подгруппы:

1. Термины родства, обозначающие лиц мужского пола: 父 (отец), 兄弟 (брат), 婿 (зять).

Например: 白发苍父 (бедный и смущенный старик), 认贼作父 (принимать врага за отца родного), 酒肉兄弟 (ненадежные друзья; друзья только в счастье), 招门纳婿 (взять в дом зятя).

2. Антропометрические лексемы: 男 (мужчина), 郎 (муженёк, молодой человек), 公子 (сын барина), 先生 (образованный мужчина, мужчина с богатыми знаниями), 少年 (юноша), 夫 (взрослый мужчина).

Например: 须眉男子 (мужчина с густыми бровями и бородой), 男儿当自强 (мужчина должен иметь силу духа и стремление неуклонно двигаться вперед), 傅粉何郎 (лицо мужчины белое, как будто наносили пудру (для обозначения красивых мужчин)), 花花公子 (золотая молодёжь), 好好先生 (всепрощенец, самый безобидный человек), 惨绿少年 (юноша в светло-зеленой одежде (сейчас для обозначения молодого человека с изящными манерами)), 匹夫之勇 (храбрость без доблести, храбрость грубого человека).

3. Антропонимические (номинативные) лексемы (мужские имена собственные).

Например: 伯乐一顾 (БоЛэ – тот, кто обладает уникальной способностью раскрытия талантов, «добиться признания и уважения влиятельных лиц»), 伯牙绝弦 (Бо Я – мастер игры на китайском музыкальном инструменте – гуцинь, «закадычного друга трудно найти»), 李广难封 (Ли Гуан – генерал в династии западной Хань, «иметь плохую судьбу»), 鲁阳挥戈 (Лу Ян – генерал периода Чуньцю; данная единица имеет значение «исправлять критическое положение»).

Анализ фразеологических единиц (ФЕ), описывающих внешность мужчины, показывает, что большинство единиц имеют положительные оценки. Среди них 3 единицы описывают красоту лица, например, 碧眼紫髯 (досл. «зеленые глаза и фиолетовые бороды»; для обозначения экзотической, но и мужественной внешности); 傅粉何郎 (красивый мужчина как Хэ Янь); 须眉男子 (у мужчины красивые борода и брови). Одна ФЕ описывает фигуру: 彪形大汉 (крупный и сильный мужчина). Фразеологизмы 惨绿少年 (молодой человек в тёмно-зелёной одежде; обр. в знач. «восходящая звезда; талантливый юноша с большим будущим») и 翩翩少年 (элегантный молодой человек) показывают общую красоту юноши. Единственной единицей, имеющей отрицательную оценку, является ФЕ 沈腰潘鬓 (тонкая талия и седые волосы), которая используется для обозначения слабого мужчины среднего возраста.

Большинство этих единиц являются аллюзиями, отсылающими к древним китайским произведениям, например, «Ши цзин» («Книга песен»), «Лунь юй» («Беседы и суждения»), «Ши цзи» («Исторические записки») и другие.

При анализе ФЕ, характеризующих мужские качества, можно выделить три подгруппы в зависимости от характера оценки. Несмотря на господство патриархата в древнекитайском обществе, в котором мужчины

обладали социальным престижем и властью, во фразеологизмах, содержащих лексические и семантические показатели мужского пола, такое отношение ярко не проявляется. Напротив, количественный перевес находится на стороне ФЕ с пейоративным оценочным компонентом. Такое явление особенно ярко проявляется в следующих ФЕ: 采蕊寻芳 (букв. «собирать бутон и искать цветок»; обр. в знач. «искать общества публичных женщин»), 狂蜂浪蝶, 拈花惹草 (букв. «хвататься за цветы и дергать траву»; обр. в знач. «заводить любовные шашни, обольщать женщин»), 团香弄玉 (букв. «собирать аромат и украсть яшму»; обр. в знач. «мужчина совращает женщину»), 倚翠偎红 (букв. «прижиматься к нарумяненной щеке и касаться наведённых бровей»; обр. в знач. «вступить в интимную связь с публичной женщиной»).

Вышеуказанные единицы имеют одинаковую структуру, т.е. гл. + сущ. + гл. + сущ., при этом обе части симметричны. Цветок, приятный запах, нефрит являются классическими символами женщины. В данном случае все единицы имеют значение «бегать, волочиться за женщинами, бездельничать».

Часто встречаются такие единицы, как 沉湎酒色 (предаваться пьянству и разврату), 花天酒地 (букв. «красотки – небо, вино – земля»; обр. о развратном образе жизни; «предаваться безудержному разгулу и пьянству»), 酒色之徒 (пьяница и развратник), 迷花恋酒 (увлекаться вином и женщинами). В этих единицах выражено влечение мужчины не только к женщине, но и к китайской водке. С древних времен отношения людей к водке, женщинам, деньгам считаются важными факторами оценки нравственности человека.

Все эти единицы подчеркивают «похотливость» мужчины. Можно сказать, что «похотливость» является самой главной отрицательной чертой мужчины в китайской культуре, и это подтверждают 36 выявленных фразеологизмов.

Кроме «похотливости», в исследуемых единицах наблюдаются такие отрицательные черты мужчины, как ревность и неприязнь между братьями (兄弟参商 (братья как звёзды Шэнь и Шан, две звезды, находящиеся на противоположных сторонах неба; обр. в знач. «люди, никогда не встречающиеся друг с другом»), 兄弟阋墙 (старший и младший братья ссорятся внутри дома; обр. в знач. «конфликт между своими, междоусобица, внутренние распри; внутренняя борьба; братоубийственная война»), беспринципность (无赖子弟 (бродяга; бездельник, хам; хулиган)), отсутствие мудрости (匹夫之勇 (физическая храбрость, грубая сила)), качества плохого семьянина (抛妻别子 (бросать жену и сына), 杀妻求将 (убить жену, чтобы стать полководцем; обр. в знач. «не щадить никого во имя своей карьеры»), 季常之惧 (слабость Цзи-чана; обр. в знач. «боязнь перед женой»), 金屋藏娇 (иметь любовницу)) и другие.

ФЕ, описывающие положительные качества мужчины, представлены в основном китайскими фразеологизмами, характеризующими отношение к членам семьи.

Например: 冰清玉润 (хороший тесть или зять), 仰事俯畜 (забота и о родителях, и о детях), 兄弟急难 (спасать брата, находящегося в опасной ситуации), 兄弟孔怀 (братья неустанно заботятся друг о друге) и 兄弟怡怡 (радостные братья) используются для обозначения дружбы между братьями.

Также наблюдаются такие положительные качества и черты мужчины: 男儿当自强 (мужчина должен иметь силу духа и стремление неуклонно двигаться вперед), 分香卖履 (забота о жене и детях даже перед смертью), 怜香惜玉 (ухаживание за женщиной), 贤贤易色 (ценит моральной облик жены, а не внешность) и др.

В рассматриваемом материале доля фразеологизмов с отрицательной оценкой значительна. Этот факт связан не с гендерным фактором, а с особенностью человеческой концептуализации действительности, когда «хорошее» является нормой и не всегда фиксируется в языке, а «плохое» маркировано и отражается в языке чаще как признак отклонения от идеального «хорошего». Поэтому, выражаясь в известной мере условно, можно сделать вывод, что не «плохие мужчины» противопоставляются «хорошим мужчинам», а «плохое» противопоставляется «хорошему» в рамках общечеловеческого [6].

ФЕ 中馈乏人 (неженатый), 鸾胶重续 (жениться вторично после смерти жены) имеют нейтральную оценку.

В связи с темой «фразеологические единицы, являющиеся наименованиями лиц мужского пола» в китайском языке можно встретить такие ФЕ, как 乘龙快婿 (хороший зять), 东床佳婿 (хороший зять), в которых говорится о подходящем и хорошем зяте; 孤臣孽子 (попавшие в немилость (т.е. не имеющие покровителей) чиновники и сын наложницы); 金友玉昆 (старший брат – яшма, младший – золото, обр. о замечательных братьях); 衣冠子弟 (сын крупных чиновников и знатных людей).

Перейдем к последней группе: единицы, которые лексически отсылают к женскому референту, но само это выражение применимо к лицу мужского пола. В целом такие единицы можно охарактеризовать как «гендерно двунаправленные», образность которых обусловлена женским началом, но которые ориентированы на мужское поведение. К примеру, в китайском языке бытует выражение 出妻献子, которое можно перевести как «разрешить жене и сыну встретиться с гостем», т.е. близкое отношение с гостем; 挈妇将雏 (вести за собой жену и детей). Такие единицы можно рассмотреть как аллюзивные, т.е. содержащие аллюзию на женские особенности.

Проанализировав собранные нами фразеологические единицы из китайского языка, описывающие образ мужчины, можно делать следующие выводы:

1. Все фразеологические единицы носят ярко выраженный национальный характер.
2. Фразеологических единиц, содержащих лексические показатели мужского рода, по количеству относительно других ФЕ больше.

3. Фразеологических единиц, характеризующих отрицательные черты мужчин больше, чем единиц, имеющих положительную оценку.

4. Похотливость является главной отрицательной чертой китайского мужчины в образе, отраженном во ФЕ китайского языка.

5. Фразеологические единицы, относящиеся к роли «зятя», имеют значительное место в китайских фразеологизмах, описывающих мужчин.

ФЕ о мужчине в русском языке

Модель концептуального пространства *маскулинность*, по данным фразеологии и паремиологии русского языка, позволяет выявить те особенности восприятия характера и поведения мужчины, которые сложились в сознании представителей русской лингвокультуры.

В результате анализа фразеологических словарей русского языка, а также сборников пословиц и поговорок выделено 102 гендерно маркированных ФЕ и паремии, которые формируют образ мужчины по следующим группам:

- 1) единицы, характеризующие качества мужчины (смелость, сила, ум, удаль);
- 2) единицы, описывающие отношения между мужчинами (братство);
- 3) единицы, описывающие внешность мужчины;
- 4) единицы, строящиеся вокруг концепта «пьянство»;
- 5) единицы, характеризующие роль мужчины в семье (в том числе отцовство и материальное обеспечение семьи).

Таким образом, можно говорить о том, что в концептуальное пространство *маскулинность* входят концепты: *смелость, сила, ум, отцовство, пьянство*. Интересно отметить, что некоторые концепты раскрываются через противопоставления: смелости противопоставляется трусость, внешней красоте – ум и удаль.

1. Смелость выражается в основном в контексте боя, сражения, войны. В русской и скандинавской традициях война – это мужское дело, и место мужчины именно там: *лучше смерть в бою, чем позор в строю; русский в поле не сробеет; смелый боец и в ученье и в бою молодец*.

Смелость является положительным качеством и высоко ценится и выделяется как особое достоинство. Например, фразеологизм *«он не робкого десятка»* говорит о том, что робкие мужчины исчисляются десятками, т.е. на одного смелого приходится десять робких. Или, например, подобное предыдущему *«за одного смелого семь несмелых дают»*, где опять же обнаруживается количественное сопоставление смелых и несмелых мужчин.

ФЕ о смелости имеют и назидательный характер: *смелый побеждает, а трус погибает; кто смерти не боится, того и пуля сторонится; героем надешь – поднимут, трусом надешь – раздавят*.

Мужчин смелых, защищающих слабых и малых, сравнивают с рыцарями: *рыцарь без страха и упрека; рыцарский поступок*. Галантных же и воспитанных мужчин называют джентльменами, когда те уступают место, придерживают дверь и обходительны с женщинами: *настоящий джентльмен*. Или же синонимичное выражение – *настоящий мужчина*.

Трусость в противуположность смелости порицается: *молодец против (среди, на) овец, а против (на) молодца и сам овца; герой умирает раз, трус – тысячу раз; у смелого сорок дорог, а у труса одна, да и то по ней волки бегают; на словах города берет, а на деле лягушки боится; на смелого собака только лает, а труса кусает*. Это противопоставление смелости и трусости так же имеет назидательный характер. Эти ФЕ воспитывают качества, которые считаются мужскими, смелость является неотъемлемым атрибутом русской модели маскулинности. Смелость вызывает восхищение и уважение и служит эталонным признаком «настоящего мужчины».

Мужская физическая сила во ФЕ выделяется как мужская составляющая, имеющая как положительную, так и отрицательную коннотацию. Так, про сильных юношей говорят – *удалой молодец*, а про их силу – *удаль молодецкая*. Характерно и употребление фразеологизмов: *сильное плечо, сильный пол*, что напрямую указывает на присущую мужчине силу в противоположность женской слабости (*слабый пол* – о женщинах). Есть ФЕ о силе, имеющие сравнительный компонент, например: *косая сажень в плече; здоровый как бык; теленка кулаком убить может*. Как показывают примеры, основания сравнений лежат в хозяйственной жизни русского народа, где мужская сила была необходима для ведения хозяйства. Есть фразеологизм, напрямую указывающий на роли мужчины и женщины в хозяйстве – *мужик и собака во дворе, баба и кошка в доме*.

Негативная же коннотация мужской силы указывает чаще всего на отсутствие других необходимых качеств личности, без которых сила становится бесполезной или опасной: *гора мускулов; сила есть, ума не надо; велик жирдяй, да жидок; и велик, да дик, и мал, да удал*.

Слабых мужчин сравнивают с женщинами, тем самым отказывая им в мужественности, т.е. отрицая их принадлежность к мужскому полу. Например, *чего ломаешься, как красна девица; ведешь себя как баба; ведешь себя как тряпка*. Здесь мы видим отрицание каких-либо женских черт в мужчине, они порицаются: *телячьи нежности; вырядился как красна девица; треплешься как баба*. Мужчина в русской традиции представляется как сильный и грубый человек – *сказал, как отрезал; кулаком по столу и весь сказ*. Отсюда же и естественность применения физической силы по отношению к жене и детям, речь о которых пойдет в группе ФЕ, относящихся к семейным отношениям.

2. В русских фразеологизмах большое внимание уделяется братству, т.е. дружеским отношениям между мужчинами, что, по всей видимости, имеет основание в общем для всех мужчин деле – защите Отечества. Например: *бой красен мужеством, а приятель – дружеством; братская могила; поступить по-братски; по-братски поделиться (помочь); доброе братство дороже всякого богатства*.

Для обозначения духовного и идейного родства применяется фразеологизм – *наш брат*; при делении чего-либо между мужчинами говорят – *на брата*; когда же говорят о человеке постороннем и неприятном,

употребляют фразеологизм – *ни сват, ни брат*. Представляется, что фразеологизм – *один в поле не воин* – тоже основан на идее сплоченности, братства. Например, об этом же гласят фразеологизмы: *веник не переломишь, а по прутуку весь веник переломаеть; двое – не один, в обиду не дадим; один палец – не кулак*. Таким образом, можно говорить о том, что одним из мужских черт в ФЕ русского языка является умение дружить, составлять единство.

3. Национальное представление о внешности мужчины неразрывно связано с понятиями духовного мира человека; данный факт зафиксирован в 21 (20,6%) ФЕ и паремии. В православной России иконы и иконопись являются важной традицией, и понятия о красоте формировались и связаны именно с этой практикой. Именно поэтому красота, в том числе и мужская, описывается как что-то нарисованное, например, *писанный красавец; хорошенький как картинка; красив как Бог*.

Сравнение красоты с элементами живописи также говорит нам об отдаленности красоты как мужского качества от русской реальности и быта, т.е. можно говорить о необязательности этого качества в русском представлении о мужчине. Отсюда и большое количество ФЕ, выражающих неважность внешнего облика мужчины, она, таким образом, отходит на второй план: *лыс конь – не увечье, плешив молодец – не бесчестье; много красы: одни скулы, да усы; и велик, да дик, и мал, да удал; наш сокол мал, да удал; мал коротыши, да крепьши*.

Можно также говорить о том, что наличие в мужчине только красивой внешности является скорее недостатком. В мужчине выше ценится ум как неотъемлемое и даже обязательное его качество, что подтверждается фразеологическим рядом: *не пригож лицом, да хорош умом; рожей сокол, а умом тетерев; на красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко; лицом не красив, да сердцем не спесив; лицом хороши, да душой непригож; личиком гладок, а делами гадок; красота мужчины – ум, красота – ум женщины*. Таким образом, внешний облик мужчины является необязательной составляющей его маскулинности. Резюмировать этот вывод можно довольно распространенным фразеологизмом – *мужчина должен быть чуть красивее обезьяны*.

4. В ходе исследования выделены 20 ФЕ и паремий, связанных с концептом «пьянство», что составляет 19,6% от общего числа маскулинно-маркированных единиц. Факт распространенности фразеологизмов на эту тему находит свое подтверждение и в результатах ассоциативного эксперимента, проведенного А. В. Кириловой. На стимулы «мужчина» и «муж» реакция «пьяница» оказалась в женском ассоциативном поле наиболее частотной, а также нередкой в мужском ассоциативном поле. Это говорит о том, что само явление пьянства распространено в русской традиции, что естественно, и отражается в словесном творчестве народа. Например: *у пьяного что на уме, то и на языке* (или другой вариант той же поговорки – *что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*); *где кабачок, там и мужичок; как стелька пьян; пьяница в своей шкуре ходит, да в чужом уме; не жаль молодца ни битого, ни раненого, а жаль молодца похмельного; напился как свинья; кто вино любит, тот сам себя губит*.

Чаще всего ФЕ о пьянстве имеют негативную коннотацию. Встречаются фразеологизмы, говорящие о тяжелой жизни тех, кто живет рядом с пьяницей: *Иван пьян гуляет, а Марья с голоду помирает; мужик год не пьет, два не пьет, а бес прорвет – все пропьет; муж пьет, а жена горшки бьет*.

Отдельной категорией ФЕ о пьянстве являются те, которые говорят о потере ума из-за пьянства. Ум же, как было указано ранее, является важным качеством мужчины, поэтому здесь можно говорить о порицании этой мужской черты: *вино входит – ум выходит; вино работе [уму] не товарищ; вино с разумом не ходят; хмель шумит, ум молчит; выпьешь много вина – поубавится ума; не жаль вина, жаль ума*.

Единственной ФЕ с условно положительной коннотацией о пьянстве является фразеологизм – *хоть пьяница, да людям не завистник*. Надо заметить, что здесь ключевым моментом все же является предлог «хоть», т.е., по сути, пьянство осуждается, но в контексте сравнения с завистью является менее предосудительным недостатком.

Анализируя ФЕ, которые строятся вокруг концепта «пьянство», можно однозначно отметить превалирование в них негативной коннотации. Большое количество фразеологизмов на эту тему говорит о том, что это негативное качество присуще многим мужчинам, а отсутствие пристрастия к вину является большим достоинством мужчины и высоко ценится в народе. Таким образом, пьянство является неотъемлемой составляющей модели русской маскулинности, что находит свое отражение в языке.

5. В русской культуре отношения между мужем и женой закреплялись в таком произведении русской литературы XVI века, как «Домострой», но роль мужчины в семье отражена и во фразеологизмах. Особенностью, которая привлекает внимание в анализируемых фразеологизмах, относящихся к группе о роли мужчины в семье, является применение физической силы по отношению к женщине и детям и ее приемлемость в культуре: *бей жену до детей, бей детей до людей; люби жену, как душу, трясина ее как грущу; бьет, значит любит; кто жене волю дает, тот сам себя бьет, воля и добрую жену портит; жену не бить – и милу не быть*.

В контексте обсуждения фразеологизмов о силе мы говорили о такой мужской черте, как грубость. В сочетании с неприемлемостью женских черт (мягкостью, уступчивостью, терпеливостью) для мужчин мужская сила становится качеством, направленным на соблюдение патриархальной иерархии в семье, которая требует от мужчины держать слабых по сравнению с собой членов семьи в страхе и боязливости не только перед Богом, но и перед своей силой. Таким образом, можно говорить о такой стороне русской маскулинности, как грубость, которую мы понимаем как мужскую силу, связанную с физическим воздействием на других членов семьи.

Особую роль в семейных отношениях играют отношения между отцом и сыном, так как именно отцовское воспитание способствует формированию и поддержанию специфических маскулинных ценностей и самосознания: *добрый сын – отцу радость, плохой – печаль; не спрашивают отца, спрашивают молодца; в глупом сыне и отец не волен; батька горбом, а сын горлом; отцовское прожил, а своего не нажил; отцовским умом жить детям, а отцовским добром не жить*.

Важность роли отца может быть объяснена религиозной культурой России, где для православия характерен образ Бога-Отца, где почитаются отцы церкви и святые отцы. Отцом также назывался император, или ранее – царь-батюшка. Фигура отца, таким образом, является важным элементом всей русской культуры, а потому можно говорить о таком компоненте русской маскулинности, как отцовство.

В русской культуре, как и в некоторых других, мальчика обычно воспитывает отец. Поэтому негативным качеством для мужчины в русской традиции является его зависимость от женщины, будь то мать или жена: *за мамину юбку держится; маменькин сынок; под каблук; лучше умирать в поле, чем в бабьем подоле.*

Далее, в контексте роли мужчины в семье можно говорить о таких качествах, как снабженец, кормилец: *муж дому строитель, нищете отгонитель; муж пашет, а жена пляшет; любишь жену, люби и детей кормить; без хозяина двор и сир и вдов.* Как мы видим, в русской традиции, которая запечатлена не только во ФЕ, но и в «Домострое», мужчине надлежит обеспечивать свою семью. Таким образом, финансовая обеспеченность, а вернее, умение обеспечивать свою семью является обязательным компонентом маскулинности, отраженным во ФЕ русского языка.

Встречается и негативное описание мужской финансовой обеспеченности, своеобразное пренебрежение к ней: *кошелек с ножками (с ушами)*, – но этот фразеологизм появился сравнительно недавно, скорее всего в 90-е годы, когда в России произошли экономические изменения и появились очень богатые люди, нажившие свое состояние быстро и легко. Женщины, называвшие таким образом богатых мужчин, подчеркивали их мужскую несостоятельность, выделяя единственную положительную черту таких мужчин – их финансовую состоятельность. Т.е. здесь мы говорим, скорее, о потере других мужских черт, которые и делают мужчину в глазах женщины мужчиной.

Проанализировав собранные нами фразеологические единицы русского языка, описывающие образ мужчины, можно делать следующие выводы:

1. Фразеологизмы русского языка имеют, как и китайские, национальный характер.
2. По количественному показателю в рамках проведенного исследования ФЕ, описывающих качества личности мужчины, оказалось больше, чем ФЕ, относящихся к другим выделенным группам (внешность, братство, пьянство, роль в семье, отцовство).
3. Положительных качеств в образе мужчины во фразеологизмах русского языка больше, чем негативных. ФЕ играют роль назидания и воспитания, поэтому чаще всего строятся на сравнении.
4. Основной отрицательной чертой в образе мужчины в русской культуре является пьянство. Оно порицается в контексте демонстрации потери такого важного качества для мужчин, как ум.
5. Мужчина в русской культуре представлен как сильный, смелый, но одновременно с этим и грубый человек, чья сила направлена и на физическое воздействие на членов семьи.

Проводя сравнение образов мужчины в китайской и русской культуре, отраженной во фразеологизмах, можно говорить об их несовпадении. Так, приемлемость красоты мужчины в китайской традиции и ее ценность идут вразрез с второстепенностью этого качества для традиции русской, где мужская красота скорее негативное качество. В русской фразеологии делается акцент на отсутствии необходимости такого качества для мужчины, как красота.

Большое значение для русской культуры имеют смелость, ум, сила. Образ мужчины во ФЕ русского языка рисуется чертами довольно грубыми и одновременно демонстрирующими силу. Мужчина в русской культуре создан для войны, он не приемлет слабости и мягкости, т.е. женских качеств. Эта особенность отличает образ русского мужчины от образа китайского мужчины, который не имеет черт иерархичной доминантности, который может быть описан в форме отсылок к женской референции.

Отличаются и образы мужчин в контексте семьи, где для китайского мужчины приемлемо и необходимо быть хорошим зятем, т.е. гармонично войти в семью жены, в то время как в русской традиции хорошей должна быть жена. Русский мужчина воспитывает и жену, и детей с применением физической силы, а основной его обязанностью является обеспечение семьи.

Не совпадают и основные отрицательные черты в образах мужчины в китайской и русской культуре. Неприемлемым и отрицательным для китайского мужчины является похотливость, в то время как для русского мужика злом является пьянство. Надо заметить, что пьянство порицается и в Китае, но там это явление не имеет таких масштабов, как в России, и потому не может быть основной негативной чертой китайца.

Некоторым совпадением можно назвать важность братских отношений как для мужчин китайских, так и русских. Однако в Китае это проявляется через порицание отсутствия мира среди братьев, в России же братство как явление имеет преимущественно положительные коннотации и чаще всего связано с темой войн и сражений.

Безусловно, в обеих культурах фразеологических единиц, описывающих образ мужчины, меньше, чем описывающих образ женщины. В несовпадении образов мужчины в китайской и русской культуре мы видим социальную и культурную заданность этих образов, а значит, и гендера в целом. На основании этого можно говорить о механизмах влияния и изменения этих образов, а также принятых норм взаимоотношений между мужчинами и женщинами.

Список источников

1. **Войцехович И. В.** Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. 509 с.
2. **Кирилина А.** Гендерные стереотипы по данным языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/kirilina_b.htm (дата обращения: 03.07.2017).
3. **Кирилина А. В.** Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 180 с.

4. **Косых Е. А.** Соотношение концептов «пол», «секс», «гендер» в современном русском языке // Исследования по семантике: межвуз. науч. сб. / отв. ред. Р. М. Гайсина. Уфа: БашГУ, 2001. Вып. 21 (1). С. 284-292.
5. **Кузнецов А. М.** О понятии «гендер» и гендерной лингвистике // Социоллингвистика вчера и сегодня: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН; Центр гуманит. науч.-информ. исслед.; Отд. языкознания. Изд-е 2-е, доп. М., 2008. С. 175-194.
6. **新华成语词典/商务印书馆辞书研究中心编.** 北京: 商务印书馆, 2013. 2242 页 (Чжао Кэчинь. Большой толковый словарь китайских чэньюев Синьхуа. 1-е изд. Пекин: Шаньву иньшугуань, 2013. 2242 с.).

COMPARATIVE ANALYSIS OF MAN'S IMAGE IN THE CHINESE AND RUSSIAN PHRASEOLOGY

Zhang Meng

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
zhangmengabc@gmail.com

The paper compares the representation of man's image in the phraseology of the Chinese and Russian languages. The image of the man in the Chinese culture is characterized by the predominance of negative features in relation to positive ones. The main negative feature of the Chinese man is lewdness. For the image of the man in the Russian culture the predominance of phraseological units describing the qualities of the man's personality (courage, strength, mind, etc.) is typical, as well as fraternal relations between men. The main negative feature of the Russian man is drunkenness.

Key words and phrases: gender; man; image of man; phraseology; Chinese language; Russian language.

УДК 8; 811.81'22

В настоящей статье, во-первых, исследуются авторские преобразования фразеологизмов с именами собственными французского и итальянского языков, во-вторых, специфика их функционирования в текстах средств массовой информации и, в-третьих, проводится сравнительный анализ полученных результатов в обоих рассматриваемых языках. Делаются выводы о причинах использования исследуемых единиц, их роли в статье, степени воздействия на читателя. Результаты и выводы исследования позволяют расширить представления о специфике использования авторских преобразований в таком типе фразеологизмов, как фразеологизмы с именами собственными.

Ключевые слова и фразы: авторские преобразования; фразеологическая единица; имя собственное; прототипическая ситуация; аллюзия; публицистический стиль.

Шаповалова Елена Олеговна, к. филол. н.
Челябинский государственный университет
megarchelische@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ АВТОРСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРЕССЫ

Настоящая статья посвящена изучению сравнительного аспекта авторских преобразований во фразеологизмах с именами собственными на материале французской и итальянской прессы. Многие ученые (Н. М. Шанский [9], Т. С. Гусейнова [4], В. В. Горлов [3] и др.) работали над созданием классификации фразеологических трансформаций, однако до сих пор не существует единого мнения по решению данного вопроса. Если попытаться обобщить классификации различных авторов, то все фразеологические трансформации можно разделить на четыре большие группы: семантическая, лексическая, синтаксическая и морфологическая трансформации.

Целью нашего исследования является выявление особенностей авторских преобразований такого вида фразеологизмов, как фразеологизмы с именами собственными, а также определение общих и отличительных черт их функционирования во французской и итальянской прессе.

Обзор имеющегося теоретического материала показал недостаточную изученность специфики трансформаций во фразеологических единицах, в состав которых входят имена собственные. Язык любого общества – открытая динамичная структура, семантические рамки которой постоянно расширяются, бесконечно «изобретать» новые слова и обороты невозможно. Поэтому возникает вопрос об экономном и рациональном использовании языковых ресурсов. Универсальным средством такого подхода к языку является трансформация уже имеющихся в его арсенале фразеологических единиц, т.е. «вторичное» их использование. Тем более интересно наблюдать, как данное явление используется в публицистическом стиле, который отражает последние тенденции в развитии языка, мгновенно реагирует на появление новшеств, а нередко становится и законодателем моды. Все вышесказанное подтверждает актуальность выбранной темы.

Под трансформацией мы понимаем любое окказиональное изменение в структуре или значении фразеологизма, которое позволяет сохранить узнаваемость фразеологической единицы.

Для анализа специфики авторских преобразований во фразеологизмах с именами собственными (далее – ФЕ с ИС) методом сплошной выборки был составлен список фразеологизмов, содержащих имена собственные,